

т. д., почему же тогда и не *лхк*, *мхк*, *нхк*, *рхк* и т. п., а еще лучше, конечно, *йхк*, *лһк*, *мһк*, *нһк*, *рһк* и т. п.). Отдельные глухие сонанты, которые встречаются в основном в ономатопоэтических и дескриптивных словах, тоже можно передавать, используя *h* (или просто с помощью *л*, *м*, *н*, *р*). Это позволило бы значительно упростить алфавит. Второе существенное отличие состоит в разном обозначении палатализации сочетаний согласных. Если по СРС, в большинстве случаев палатализован только первый член сочетания (например, *аллькэ* и др.), то в словаре Г. Керта часто отмечены палатализованными оба (все) члена сочетания (например, *алльке* и др.), что позволяют предполагать и проведенные до настоящего времени исследования. Есть разница и в передаче аффриката.

В связи с орфографическими различиями двух словарей возникает вопрос, каким образом и для чего учащиеся начальных классов будут пользоваться и осваивать две орфографии. Если же они не должны этого делать и будут учиться только по азбуке и близкому к ней словарю Г. Керта, то кому предназначена тогда орфография СРС? Какой смысл иметь две орфографии для языка с таким малым количеством носителей? Во всяком случае — здесь налицо какое-то недоразумение

или несогласованность, что никак не способствует развитию кольско-саамского литературного языка. С точки зрения учащихся, в лучшем положении находится словарь Г. Керта, написанное в котором существенно не отличается от такового в азбуке. В то же время СРС издан раньше, он больше по объему и достаточно солиден, задача СРС — стать нормативной основой литературного языка (см. СРС, с. 11), поэтому, может быть, имело смысл и в предназначенном для школ словаре опираться на орфографию СРС. Тем более что и в школе СРС, очевидно, использовался в течение года, пока не появился словарь Г. Керта.

Однако в любом случае молодой литературный язык имеет два саамско-русских словаря, а также русско-саамский. Хотя пользование этими словарями в школьной работе из-за различий в орфографии затруднено, это не умаляет большого значения их для фиксации и изучения лексики кильдинского диалекта. Данные словари заложили прочную основу кольско-саамского литературного языка. Это не значит, конечно, что в интересах его дальнейшего развития не следует создать еще более крупный и исчерпывающий словарь.

ВЯИНО КЛАУС (Таллин)

<https://doi.org/10.3176/lu.1987.2.16>

З. В. Учаев, Марий йылме, I часть, Йошкар-Ола 1982. 184 с.; II часть, Йошкар-Ола 1985. 183 с.

Марийское книжное издательство выпустило в двух частях книгу З. В. Учаева «Марий йылме» — учебное пособие для учителей. Тем не менее ее можно считать научным исследованием. Это первое обстоятельное изложение морфологии марийского языка на родном языке, в котором для доказательства теоретических положений приводится богатый лингвистический материал. Оно, безусловно, опирается на предшествующие исследования по морфологии марийского языка, по существу представляя собой обобщенное

изложение достижений марийской лингвистики, но в нем отражена и лингвистическая концепция автора, изложены некоторые новые положения. На наш взгляд, З. В. Учаев предлагает вполне объективную классификацию причастий, подразделяя их на действительные с суффиксом *-ше/-шо/-шö*, страдательные с суффиксом *-ме/-мо/-мö*, отрицательные с суффиксом *-дыме/-дымо/-дымö* и на причастия будущего времени с показателем *-шаш* (с. 96—111). В «Современном марийском языке. Морфологии» (1961 г.) действи-

тельные причастия не вполне обоснованно названы активными, а страдательные — пассивными. Заслуживает внимания также описание З. В. Учаевым четвертого, условно-сослагательного наклонения (с. 36—39). Упомянутая научная грамматика марийского языка в луговой литературной норме выделяет лишь три наклонения — изъявительное, повелительное и желательное.

Исследование З. В. Учаева имеет и другие достоинства. Безусловно, в целом оно заслуживает положительной оценки, которая дана ему в рецензии И. С. Галкина (СФУ XIX 1982, с. 299—303). В предлагаемой здесь рецензии предполагается обратить внимание на концепцию З. В. Учаева о теории морфологических категорий частей речи.

Рассматриваемые З. В. Учаевым проблемы относятся к теории морфологии, которая понимается как «грамматическое учение о слове». Морфология изучает «грамматическое слово» (в духе концепции В. В. Виноградова) в системно-структурном и функциональном аспектах. Говоря о грамматических категориях и их компонентах в плане лингвистической онтологии, имеются в виду определенные классы грамматических объектов. В морфологии, ориентированной на слово как основную единицу языка, морфологические категории, присущие частям речи, их функции и структура, являются центральным объектом грамматического описания.

З. В. Учаев подразделяет грамматические категории на общие и частные. Части речи он квалифицирует как общие грамматические категории (с. 16) и выделяет у них в свою очередь общие и частные грамматические категории. У существительного к общим грамматическим категориям он относит падеж, число и притяжательность, к частным — именительный, родительный, дательный и другие падежи, единственное и множественное число, 1-е, 2-е и 3-е лицо (у общей категории притяжательности). Кроме того, у существительного З. В. Учаев выделяет частные грамматические категории — конкретность, отвлеченность, вещественность, одушевленность, неодушевленность, категории нарицательных и собственных существительных и т. д. У имен прилагательных он рассматривает категории качественных и относительных прила-

гательных. К общим грамматическим категориям глагола З. В. Учаев относит наклонение, залог, время, число, лицо и частные категории — изъявительное, повелительное, желательное, условно-сослагательное наклонения, действительный, возвратный, понудительный залогов, настояще-будущее время и прошедшие времена, единственное и множественное число и т. п. (с. 10—21). Термины «общая грамматическая категория» и «частная грамматическая категория» по отношению к объектам грамматики исследователь применяет непоследовательно. Как отмечено, к общим грамматическим категориям существительных он относит падеж, число, лицо, а в разделе о частях речи этот термин применяет по отношению к частям речи, в том числе к существительному. Далее в том же разделе он доказывает, что части речи устанавливаются на основе частных грамматических категорий. У существительного таких несколько, автор выделяет среди них категории «падежа, числа, лица (притяжательности), конкретности, отвлеченности, вещественности, одушевленности и неодушевленности, категории нарицательных и собственных имен и категории с другими значениями, которые выражаются, по его мнению, ласкательными формами и т. п. (с. 13—17). В понятие «грамматическая категория» З. В. Учаев включает части речи и их лексико-грамматические разряды (конкретные, одушевленные и неодушевленные существительные и т. д.), собственно-морфологические категории (падеж, число и т. д.), а также отдельные компоненты морфологических категорий частей речи (именительный, родительный и т. д.).

Рассмотрение автором грамматических категорий частей речи наводит на ряд размышлений.

Чтобы не допускать противоречивых суждений, целесообразно пользоваться одним термином «грамматическая категория» по отношению как к частям речи, так и к их морфологическим признакам — падежу, числу, притяжательности и т. д.

Грамматические категории числа, падежа и т. п. необходимо отличать не только от частей речи, но и от подклассов частей речи — лексико-грамматических разрядов.

В рецензируемой книге грамматические категории подразделяются на общие

и частные. Термин «грамматическая категория» используется как по отношению к числу, падежу, притяжательности и т. п., так и по отношению к единственному числу, сравнительному падежу и т. д. Следует более строго толковать термин «грамматическая категория», ограничив область таких категорий системами собственно грамматических величин.

Морфологические категории в лингвистике рассматриваются как системы противопоставленных друг другу рядов морфологических форм с однородным содержанием в пределах определенной части речи. Однородность содержания рядов морфологических форм конституирует морфологическую категорию. Значения членов морфологической категории, обладая общим признаком для сравнения, образуют оппозицию. Наличие противопоставленных друг другу рядов морфологических форм — важный принцип структурной организации грамматического содержания, характерный для морфологической категории. В анализируемой работе он последовательно не соблюдается, так как автор грамматическими категориями называет в том числе части речи и их подклассы.

В языкознании существуют две точки зрения на грамматические категории в их отношении к планам содержания и выражения. Одни исследователи квалифицируют грамматическую категорию как явление двустороннее, охватывающее не только грамматическое значение, но и формальные средства его выражения. Другие трактуют грамматическую категорию лишь как значение, хотя обычно и отмечают, что оно соотносено с определенными средствами формального выражения. Более убедительной представляется первая (функционально-структурная) концепция. Она соотносена с билатеральной трактовкой языкового знака и с общим пониманием языка как двустороннего яв-

ления, заключающего в себе план языкового содержания и план выражения. Некоторые лингвисты при исследовании грамматических категорий марийского языка допускают непоследовательность, относя лексико-грамматические и семантические объекты к грамматическим категориям. Автор, с одной стороны, правильно отмечает, что грамматические значения соотносены с определенными средствами формального выражения (с. 10—16). В то же время он утверждает, что у существительных грамматических категорий несколько, среди них — категории падежа, числа, лица (притяжательности), конкретных, отвлеченных, вещественных, одушевленных и неодушевленных, собственных и нарицательных существительных. У прилагательных — категории качественных, относительных прилагательных и т. д. (с. 17—18). Однако уже отмечено, что собственно грамматические категории (падежа, притяжательности и т. д.) необходимо строго отличать от подклассов частей речи — их лексико-грамматических рядов.

Понятие синтаксической категории в марийском языке разработано недостаточно. З. В. Учаев, излагая вопрос о формально-структурной организации грамматических категорий, рассматривает и такие грамматические значения, как подлежащее, определение, сочетание слов и т. д. (с. 12—15). Нам представляется, что эти грамматические объекты нецелесообразно трактовать как грамматические категории. Морфологическая категория основана на оппозиции, синтаксическая категория также должна быть основана на противопоставлении.

В рецензируемой работе немало положительных моментов. Она принесет пользу учителям и студентам, а также небезынтересна и для исследователей.

И. Г. ИВАНОВ, Г. М. ТУЖАРОВ
(Йошкар-Ола)